

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОНТИЙСКИХ ГРЕКОВ Г. СОЧИ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2022 Г.)

Ксения Анатольевна Климова

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра византийской и новогреческой
филологии Филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова;
научный сотрудник,
Центр славистических исследований,
Институт славяноведения РАН.
Почтовый адрес: Ленинские горы, ГСП-1,
1-й корпус гуманитарных факультетов,
Филологический факультет,
Москва, 119991, Россия;
Ленинский проспект, 32 А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Инна Олеговна Никитина

Аспирант,
факультет антропологии
Европейского университета
в Санкт-Петербурге.
Почтовый адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1, А,
Санкт-Петербург, 191187, Россия
Электронный адрес: solreyne@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Аннотация

Статья посвящена анализу материалов этнолингвистической экспедиции к понтийским грекам городского округа Сочи, проходившей 15–25 июля 2022 г. В населенных пунктах Красная Поляна, Лазаревское, Адлер, г. Сочи (центр), Лесное и Галицино по сей день сохраняются понтийский диалект греческого языка и характерные элементы традиционной понтийской культуры. Греческое население в этом регионе появилось во второй половине XIX в. Первые поселенцы бежали от притеснений в Российскую империю из Османской. Об этих событиях и о заселении поселков до сих пор сохраняется историческая память. Понтийская похоронно-поминальная обрядность проявляет структурное сходство с восточнославянской и общегреческой. В области обрядовой лексики понтийского языка отмечаются как схожие с греческими, так и отличные от них лексемы (например, понтийский глагол *монáзо* — ‘устраивать бдение над покойным’). ряд элементов обряда (таких как разбрасывание цветов за похоронной процессией, раздача подарков на похоронах) был заимствован понтийцами от восточнославянских соседей. Особый интерес представляет использование предметов, связанных с покойным, в магических ритуалах. И в восточнославянской, и в понтийской традиции веревки, которыми связывали руки покойного, используют в лечебных целях и во вредоносной магии. Выделяются также особые понтийские похоронные традиции, например специальный способ украшения поминального блюда кукья. Также отмечаются изменения, которые претерпела обрядность в советское время, такие как увеличение роли ритуальных специалистов и обычай читать по покойному Псалтырь на дому.

Ключевые слова

Греки России, греческая традиционная культура, этнолингвистика, понтийские греки, понтийский диалект греческого языка, похоронно-поминальный обряд

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2022 г.

Цитирование: *Климова К.А., Никитина И.О.* Похоронно-поминальный обряд понтийских греков г. Сочи (по полевым материалам 2022 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 160–178. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.09>

FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF PONTIC GREEKS OF SOCHI (BASED ON 2022 FIELD MATERIALS)

Ksenia A. Klimova

Ph.D. in Philology, Associate Professor,
Department of Byzantine
and Modern Greek Studies,
Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University;
Researcher,
Center for Slavic Studies,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Postal address: Leninsky prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Inna O. Nikitina

Ph.D. student,
Department of Anthropology,
European University at St. Petersburg
Postal address: Gagarinskaya str., 6/1A,
St. Petersburg, 191187, Russia
E-mail: solreyne@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Abstract

This article analyses the material collected during an ethnolinguistic expedition to the Pontic Greeks of Sochi, which took place from the 15th to 25th of July, 2022. In the settlements of Krasnaya Polyana, Lazarevskoye, Adler, Sochi (center), Lesnoye, and Galitsino, the Pontic dialect of the Greek language and the characteristic elements of traditional Pontic culture are preserved to this day. The Greek population arrived in this region in the second half of the nineteenth century. The first settlers fled from the Ottoman Empire to Russia and historical memory of these events is still preserved. The Pontic funeral and memorial rites are structurally similar to the East Slavic and Greek ones. Some Pontic death-related lexemes are similar to Greek, while others differ (for example, the Pontic verb *monázo* ‘to keep vigil over a dead body’). A number of ritual elements (such as throwing flowers behind a funeral procession or distributing gifts at a funeral) were borrowed by the Pontians from their Eastern Slavic neighbours. Of particular interest is the use of objects associated with the deceased in magical rituals. One Pontic funeral tradition is the special way of decorating the funeral dish (*kukía*). The article also describes the changes in funeral rituals during the Soviet era, such as the increased role of ritual specialists and the custom of reading the Psalms for the deceased at home.

Keywords

Traditional Greek culture, ethnolinguistics, Pontic Greeks, Pontic dialect of the Greek language, funeral and memorial rites

Received 2 November 2022.

How to cite: Klimova, K. A., Nikitina, I. O., 2022. Pokhoronno-pominal’nyi obriad pontiiskikh grekov g. Sochi (po polevym materialam 2022 g.) [Funeral and memorial rites of Pontic Greeks of Sochi (based on field materials of 2022)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (3–4), pp. 160–178. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.09>

С 15-го по 25 июля 2022 г. проходила этнолингвистическая экспедиция, целью которой было исследование традиционной культуры понтийских греков города Сочи и окрестностей¹. Экспедиция в составе К.А. Климовой и И.О. Никитиной провела обследование сел и городских округов Красная Поляна, Лазаревское, Адлер, г. Сочи (центр), Лесное и Галицино. Был опрошен 41 информант в возрасте от 31 до 99 лет, записано 36 часов аудио- и видеоматериалов. Сведения по традиционной культуре греков региона собирались по вопроснику А.А. Плотниковой, предполагающему этнолингвистическое изучение балканских и балканославянских традиций². Основной акцент в экспедиции был сделан на изучение похоронно-поминальной обрядности понтийских греков, для чего дополнительно использовался и вопросник, специально подготовленный авторами по похоронно-поминальному обрядовому комплексу греков-понтийцев. Он был составлен таким образом, чтобы зафиксировать как традиционную, деревенскую, составляющую обрядности, так и ее изменения в советское и постсоветское время.

Греческое население региона представлено субэтнической группой понтийцев (эндоэтноним *ромéи* ‘римляне’³) — выходцев с побережья Черного моря, преимущественно из исторических областей Трабзона (греч. название — *Τραπεζούντα* ‘Трапезунд’), Самсуна в Малой Азии. Во второй половине XIX в. они бежали от притеснений турок из Османской империи в Российскую, принеся с собой язык (понтийский диалект греческого языка) и традиционную культуру. Сначала переселенцы попадали в Ставропольский край, а оттуда уже приходили в изучаемые нами села⁴. Нарративы о заселении этих мест сейчас хорошо воспроизводятся информантами. Так, например, рассказывают, что Красная Поляна получила свое название от красных листьев папоротника, который увидели разведчики-греки Федор Фанайлов и Мурат Ксандинов, впервые придя на эти земли в 1878 г.⁵

¹ Подробнее про экспедицию см. статью: Климова К.А., Никитина И.О. Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 249–260. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06.

² Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009.

³ Таким же самоназванием пользовались жители Византийской империи. Подробнее о проблематике этого термина см.: Bonarek J. Ромеи — только жители империи или народность *in statu nascendi*? // Orientalia Christiana Cracoviensia, 2012. № 4. S. 59–75. <https://doi.org/10.15633/ochc.1035>

⁴ Подробнее см.: Χασιώτης Ι. Κ. (επιμέλεια). Οι Έλληνες της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 1997. Σ. 103, 118.

⁵ Также мы не можем не упомянуть другой нарратив о происхождении названия села. Согласно ему, Красная Поляна называется так по причине множества пролитой в этом месте крови черкесов — именно там завершилась Кавказская война. Черкесская диаспора выступала против проведения Олимпиады-2014 в Сочи и Красной Поляне как в местах массовых убийств. См. например URL: <https://www.svoboda.org/a/426976.html> (дата обращения: 13.08.2022).

Согласно рассказам местных жителей, малоазийские греки специально разыскивали эти земли, поскольку получили сведения от оставшихся в Турции родственников о том, что черкесы оставили прекрасные богатые земли с ухоженными полями и фруктовыми садами, с горными реками, полными рыбы, и лесами, полными дичи, где-то в районе реки Мзымты за перевалом Псеашхо. После обнаружения этих земель греками в Красную Поляну во главе с Фанайловым и Ксантиновым переселяется изначально 36 семей, к которым впоследствии присоединяются и другие соотечественники. Многие информанты отмечали, что особенности природного ландшафта в районе Сочи были близки тем, которые переселенцы оставили на родных территориях южного побережья Черного моря, что сыграло немаловажную роль в выборе этого места как конечного пункта переселения.

Из материалов первой всеобщей переписи населения Российской империи⁶ мы узнаем, что в 1897 г. в Сочинском округе греческая диаспора составляла 15,5 % населения (2092 человека из 13 519) и была третьей по численности⁷ после армянской (28,5 %) и русской (28,5 %) ⁸. Национальный состав Черноморской губернии⁹ в 1900 г. содержит сведения о 5583 греках¹⁰. Таким образом, в конце XIX — первой четверти XX в. греческое присутствие в регионе было значительным. Ситуация изменилась после 1937 г., в период сталинских репрессий и депортаций¹¹. Тогда понтийское население значительно сократилось, а с распадом Советского Союза началась массовая эмиграция в Грецию. На сегодняшний день в Сочи и окрестностях проживает, по разным данным, 3000–5000 понтийских греков¹², в то время как все население округа превышает полмиллиона человек.

Сохранение традиционной культуры греков СССР в XX в. было осложнено историческим контекстом: гонениями на церковь, запретом на проявление

⁶ Материалы переписи представлены в Музее истории города-курорта Сочи.

⁷ В списке населенных пунктов Сочинского района за 1922 г. находим упоминания о следующих селах с преобладающим греческим населением: Калинин хутор, Верино, Высокое, Липники, Молдовский хутор, Левашево, Юревичи, Красная Поляна, Кукурету, Лесное, Монастырь, Краевско Греч., Раздольное. Информация по: *Халайчев С.С.* Красная Поляна. Время, События, Люди. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2022. С. 67–72. Среди приведенных топонимов мы видим и названия мест, обследованных в ходе нашей экспедиции.

⁸ Отметим, что «русские» в этой переписи включают в себя «великоросов», «малоросов» и «белоросов».

⁹ Эта административно-территориальная единица Российской империи занимала территорию по берегу Черного моря приблизительно от Новороссийска до Сочи.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Подробнее о репрессиях против греков СССР см.: *Джуха И.Г.* Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. М.: Алетей, 2006. Отметим также, что после смерти Сталина часть семей вернулась из Центральной Азии обратно на Кубань, часть осела в местах депортации.

¹² 3492 человек по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Сочи (дата обращения: 13.08.2022).

ния религиозности и этничности, репрессиями, принудительным выселением, закрытием греческих школ после 1937 г. Тем не менее в ходе экспедиции был записан обширный материал по обрядам жизненного и календарного циклов. В этой статье мы приводим этнолингвистическое описание похоронно-поминального обряда понтийских греков, составленное на основе собранных нами полевых материалов из окрестностей Сочи. Рассказы наших информантов о похоронах касаются по большей части разных временных отрезков XX в. Мы не задаемся целью произвести историческую реконструкцию похоронно-поминального обряда, который был принесен в конце XIX в. понтийцами из Трапезунда, — скорее, нас интересуют различные элементы обрядности, бытовавшие в советское время. В наши цели также не входило картографирование традиции¹³, поэтому мы приводим описание всех обрядовых практик, информацию о которых удалось собрать, понимая, что реальный обряд в разных селах и в разное время представлял собой определенную контаминацию описанных нами элементов.

В статье рассматривается понтийский похоронный обряд в сопоставлении как с греческим обрядом, так и с соседними восточнославянскими¹⁴. Следует отметить, что формы похоронно-поминальной обрядности, бытующие в Греции, проявляют сходство с различными славянскими инвариантами. Общность существует как на уровне религиозных обрядовых действий, так и в отношении более архаичного пласта народных верований¹⁵. Следовательно, для понтийских похорон как частного случая общегреческой традиции славянское влияние обнаруживается в самый поздний период, при переселении на территории в окрестностях Сочи.

К своей будущей кончине пожилые или больные люди начинали готовиться заранее. Подготовка к смерти характерна и для восточнославян-

¹³ Наша экспедиция охватила не так много близлежащих населенных пунктов, а различий в обрядности мы практически не зафиксировали.

¹⁴ Из переписей и из рассказов информантов мы понимаем, что понтийцев в исследуемом регионе окружали не только русские, но и украинцы и белорусы.

¹⁵ Приводя в статье сведения о греческом похоронно-поминальном обряде, мы опираемся в основном на полевые материалы архива кафедры византийской и новогреческой филологии МГУ и, в частности, на работы: *Никитина И.О.* Похоронно-поминальный обряд в современной Греции: этнолингвистический анализ: магистерская работа. М., 2022; *Там же.* Трансформация похоронного обряда в городских реалиях современной Греции // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН / отв. ред. С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. Т. 1. С. 221–232; *Бакаева А.В.* Этнолингвистический анализ греческого похоронного обряда на балканском фоне: магистерская работа. М., 2018. Эти данные подкрепляются сведениями из работ других исследователей: *Danforth L.M.* The death rituals of rural Greece. Princeton: Princeton University Press, 1982; *Κυριακίδης Σ.Π.* Ελληνική Λαογραφία. Μέρος Α'. Μνημεία του λόγου. Αθήνα: Δημοσιεύματα του Λαογραφικού αρχείου αρ. 3, 1922; *Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани) // Исследования по славянской диалектологии / отв. ред. Г.П. Клепикова, А.А. Плотнокова. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Вып. 7. С. 152–181.

ской¹⁶, и для греческой традиций. Обычно подготовка заключалась в откладывании одежды, обуви и савана (*сáванон*¹⁷) для погребения. Сейчас саваны приобретаются в специализированных магазинах, раньше для этой цели могли использовать простой отрез белой ткани, тюля. Обычно от савана отрывали длинные полосы ткани, или ленты, чтобы связать мертвому руки и ноги при положении во гроб. Непосредственно перед погребением эти ленты развязывали — информанты говорили, что потом надо оставлять их в гробу, но также вспоминали, что некоторые люди могли забирать эти ленты с собой, чтобы использовать впоследствии для лечения болезней или *испуга*. *Испугом* в этом случае называли сложное психологическое состояние человека, при котором он либо пребывает в длительном депрессивном состоянии, либо постоянно плачет и сильно тоскует по умершему родственнику. Считалось, что если подышать дымом от подожженных лент с покойника, можно вылечить этот недуг. Были зафиксированы представления о том, что дымом от подожженных лент окуривали со всех сторон дом, чтобы защитить его от неприятностей. Также рассказывали, что на веревках можно было делать *нехорошие дела, колдовать*, а в доме их обязательно прятали от детей. Магическая сила покойницких «пут» встречается и у восточных славян: лентами, веревками, нитями, взятыми от мертвого, в целях лечения перевязывали больное место как у людей, так и у животных¹⁸. Использовались они и во вредоносной магии¹⁹.

Некоторые люди также уже при жизни изготавливали себе гроб и хранили его на чердаке. Вспоминая сейчас об этой практике, информанты подчеркивают, что если так и делали, то только по личному желанию человека²⁰. Могли откладывать и деньги на похороны — объясняется это

¹⁶ См. этнографические материалы из станиц Кубани: Кузнецова И.А. Оценочные суждения в нарративах об умирании // Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность / сост. и науч. ред. Н.И. Бондарь, В.В. Воронин. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2005. С. 149.

¹⁷ Все понтийские лексемы записаны кириллическим алфавитом с использованием следующих специальных графем: *θ* для обозначения глухого зубного щелевого согласного, *δ* для звонкого зубного щелевого, *γ* для звонкого велярного спиранта (фрикативного «г»). Выбор кириллицы для транскрипции обусловлен тем, что для греков Советского Союза и постсоветского пространства не характерно использование греческого алфавита.

¹⁸ Плотникова А.А. Покойницкие предметы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 125.

¹⁹ Там же. С. 126.

²⁰ Практика прижизненной подготовки гроба является, скорее, восточнославянским заимствованием. Из этнографических материалов мы узнаем, что она была распространена, в частности, на Кубани, см.: Кузнецова И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // История, этнография, фольклор Кубани. Ростов-на-Дону: ООО «Печатная лавка», 2020. Том V: Отрадненский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. С. 207. В Греции, насколько нам известно, такого обычая не фиксируется, тем

тем, что жили бедно и хотели не обременять родственников лишними расходами. Говорили, что перед смертью человек начинает видеть своих умерших родственников, общаться с ними. Для описания предсмертного состояния в понтийском диалекте используется глагол *психомашу́* ‘он / она находится в предсмертном состоянии’: «*Психомашу́*. То есть он уже в бреду и в предсмертии»²¹. Буквально лексема переводится как ‘сражаться за душу’, в форме *ψυχομαχώ* [psihomahó] ‘находиться в предсмертном состоянии’ глагол фиксируется в Греции. Там эта лексема связывается с представлением о том, что в момент смерти душа отделяется от тела и ее забирает либо Архангел Михаил, либо Харос — персонификация смерти. В исследуемом регионе было зафиксировано единичное свидетельство о такой функции Архангела Михаила²². Однако на старом каменном надгробии 1902 г. на кладбище села Лесное обнаружено изображение, предположительно Архангела Михаила, с мечом в руке. В исследованных селах не было зафиксировано подробных представлений о загробной жизни, об аде и рае. Возможно, представления об этой составляющей похоронно-поминальной обрядности были утрачены в советский период. Нам удалось записать лишь лексемы: ад по-понтийски называли *ádis* или *κόλασι*²³, *рай* — *παράδισος*²⁴. Загробный мир называли *άλλος κόσμος* ‘другой мир’. Также могли говорить, что душа отправляется *сон уранό* ‘на небо’.

Для обозначения умершего используются понтийские лексемы *αποθемένος*, *αποθαμένος* ‘умерший’ и *λίμ(η)σανο* ‘тело’, аналогичные греческим *αποθαιμένος* [arothaménos] (чаще в форме *πεθαμένος* [rethaménos] ‘умерший’) и *λείψανο* [lípsano] ‘останки, мощи, тело’. Про относительно давно умершего человека понтийцы говорят *(э)схоремένος* ‘покойный’ (ж. р. *(э)схоремέν-δза*), дословно ‘прощенный’. Лексема связана с фразой, которую принято говорить на поминках про умершего: *ο θεός να σιγхорά τον* ‘пусть Господь его простит’. Схожая лексема и формульная поминальная фраза используется и в Греции (*σχωρεμένος* [shoreménos]; *Θεός σχωρέσ' τον* [theós shorés' ton] ‘да простит Господь его грехи’).

Когда в доме кто-то умирал, чтобы сообщить об этом всему селу, калитку во двор оставляли открытой²⁵, иногда возле двери выставляли крышку гроба или крест. Информанты отмечали, что открытая калитка всегда говорила о смерти в доме, по другим поводам ее не могли оставлять не-

более что во многих сельских регионах гробы вообще не использовались для захоронения.

²¹ М., род. в 1945 г., Лесное. Записано в Лесном.

²² Ж., род. 1934 г., Красная Поляна. Записано в Красной Поляне.

²³ Для обозначения ада в новогреческом используется древнегреческое слово *Адης* [ádis] ‘ад’. Как синоним на территории самой Греции употребляется лексема *κόλαση* [kólasi] ‘ад’, образованная от древнегреческого глагола *κολάζω* [kolázo] ‘наказывать’.

²⁴ Аналогично греческому *παράδεισος* [parádisos].

²⁵ Также называли еще одну мотивировку этого действия — облегчение ухода души.

закрытой. В станицах Кубани было принято таким же образом извещать о покойном, с тем добавлением, что на калитку еще вешали полотенце²⁶. Понтийские греки хоронили по православному обычаю строго на третий день (если он не выпадал на понедельник, в таком случае тело оставляли еще на одну ночь). Все время до похорон умерший находился в доме, куда приходили проститься соседи и родственники. Отметим, что в Греции день погребения в традиционной культуре зависит от локальной традиции и не всегда похороны совершаются именно на третий день²⁷. В Красной Поляне и сейчас стараются хоронить только через три дня, оставлять тело в доме и проводить его подготовку там же, стараясь минимизировать время нахождения умершего в морге.

К периоду нахождения тела в доме относится ряд ритуалов прощания и подготовки умершего к погребению. Так, тело необходимо омыть и переодеть в заранее подготовленную одежду²⁸ и саван. Был зафиксирован обычай хоронить незамужнюю девушку в свадебном платье, общий для всех славян²⁹ и греков³⁰. Подготовкой тела обычно занимались специально приглашенные женщины из села, но говорили и о том, что мужчин иногда обмывали мужчины. Некоторые люди еще при жизни могли решать, кто будет их обмывать, и просить об этом определенного человека. Воду после покойника выливали под дерево — на такое место, куда не может наступить человек. В дом, где находился покойник, не впускали кошек и других животных, так как это расценивалось дурной приметой, влекущей за собой еще одну смерть.

Важно отметить, что во всех исследованных селах в период с 1930-х по 1990-е гг. не было постоянно действующей церкви и священника³¹. От-

²⁶ Кузнецова И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. С. 208.

²⁷ Например, на Крите старались похоронить тело в среднем через 24–36 часов, обязательно было лишь чтобы покойный одну ночь провел дома (по полевым данным экспедиции авторов статьи в с. Палеохора (Крит) в 2020 г.).

²⁸ Покойного также либо обували, либо при положении в гроб оставляли ботинки в ногах. Обычай снимать обувь с покойного перед погребением и оставлять ее в гробу рядом с ним известен как в Греции, так и среди понтийцев Кавказа. См.: Бондарь Н.И. Материалы к похоронно-поминальной обрядности греков Северного Кавказа // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2007 год. Дикаревские чтения (14) / сост., науч. ред. М.В. Семенцов. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2009. С. 161–169.

²⁹ Виноградова Л.Н. Похороны-свадьба // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 225–228.

³⁰ Полевые материалы с о-ва Крит (2020 г.), села Колиндрос (2018 г.).

³¹ Храм Георгия Победоносца в Лесном не был разрушен, и в советское время понтийцы со всех соседних сел собирались там на престольный праздник (6 мая): сами открывали храм, молились, устраивали трапезу. Подробнее о храме см.: Анастасиади Г.И. Сильные верой. О храме во имя великомученика Георгия Победоносца в селе Лесном. Ростов-на-Дону: Печатный двор, 2018.

певания, по воспоминаниям наших информантов, в этот период не проводились вообще³², вероятно, не в последнюю очередь из-за удаленности действующих церквей от деревень Красная Поляна, Лесное и Галицино: это горные села, транспортная доступность которых была очень низкой. На дом священников приглашали только для соборования³³. Тем не менее в похоронном обряде сохранялась религиозная составляющая. А.Д. Соколова отмечает важность ритуальных специалистов в поддержании религиозных традиций и похоронной обрядности у русских в советский период³⁴. Такими ритуальными специалистами были *читалки* — женщины, которых приглашают читать Псалтырь над покойным. «Профессия» *читалки* была распространена у православных и на Кубани³⁵. У понтийцев в исследованном регионе православные обычаи погребения тоже сохранялись посредством «знающих людей». Как правило это были пожилые люди (преимущественно женщины³⁶), особо набожные или из священнических родов, у них дома хранились и передавались святыне книги на греческом языке. В случае смерти кого-либо в селе их приглашали *читать* над покойным Псалтырь, а также для помощи в организации похорон (варить кутью, готовить поминальный стол и т. п.). Многие из наших информантов вспоминали, что их бабушки всегда ходили *читать*. Говорили, что таких людей было несколько на одну деревню, до сих пор их вспоминают по именам. В православной традиции существует запрет на отпевание самоубийц, также их не принято хоронить в черте кладбища. Наши информанты говорили, что самоубийство — это, конечно, тяжкий грех, но таких людей все равно хоронили на кладбище. Некоторые упоминали, что по самоубийцам не *читали*.

Можно отметить гендерное разделение обязанностей на похоронах: женщины чаще отвечали за чтение молитв, подготовку тела, приготовление и раздачу поминальной пищи, уборку дома после выноса покойного,

³² Другие религиозные обряды (венчание и крещение) тем не менее проводились в присутствии священника. Распространена была практика ездить венчаться или крестить ребенка в Гагры — в местной церкви не велись метрические книги, и это расценивалось как более безопасный способ провести обряд и не попасть под подозрения. Крещение могло проводиться и подпольно, в таком случае священника приглашали ночью домой. Отпевание, таким образом, замещалось чтением Псалтыри.

³³ Информанты вспоминали, что некоторые устраивали заочное отпевание в храме по не ответым в советское время родственникам уже в 1990-е гг.

³⁴ Соколова А.Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI вв. (на материалах Владимирской области): дис. <...> канд. ист. наук. М., 2013. С. 130.

³⁵ Кузнецова И.А. Читалки в современной сельской общине: статус, функции, вариативность практик // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2003 год. Дикаревские чтения (10): материалы краевой науч. конф., Краснодар, 19–20 июня 2004 г. / сост., науч. ред. М.В. Семенцов. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2004. С. 137–146.

³⁶ В Красной Поляне вспоминали, что *читал* и мужчина. Аналогичные воспоминания фиксируются у восточнославянского населения Кубани. Там же. С. 137.

а мужчины готовили крест, гроб, могилу, отвечали за действия на кладбище, транспортировку тела. В Красной Поляне и сейчас есть мужчина, который исполняет роль ритуального специалиста, и к нему обращаются, чтобы организовать похороны традиционным образом. Всем, кто помогал на похоронах, было принято дарить подарки. Обычно это были новые белые полотенца, женщинам могли дарить еще платки, мыло, чулки. Многие пожилые люди покупали полотенца на подарки еще при жизни. Полотенце играет важную роль в похоронном обряде восточных славян³⁷ (традиция, в том числе, была известна и на Кубани³⁸), тогда как в современной Греции обычай дарить подарки на похоронах отсутствует.

Информанты вспоминают, что раньше существовал обычай оплакивать покойника³⁹. Такие плачи назывались *мирологія* (букв. ‘слова судьбы’), аналогично греческому *μυρολόγια* [mirolóγια]. В этих причитаниях обычно пели о том, какие дела недоделал покойный, каких родственников оставил в горе. Говорили, что исполнялись они только женщинами⁴⁰, не обязательно родственницами покойного. Деньги плакальщицам не платили, могли дарить такие же подарки за помощь, как и остальным помощникам в организации ритуала.

Гроб (*касѣла*) изготовлял плотник или просто мужчины из села, если плотника не было. Делали его по мерке: замеряли тело обычным сантиметром или рулеткой, некоторые вспоминают и про палочку. Говорили, что снаружи гроб обтягивали черной тканью, если человек умер уже в возрасте, если же умерший был молод — красной, а внутри всегда обтягивали белым. В этнографических материалах с Кубани мы находим сведения о том, что выбор цвета обивки в зависимости от возраста умершего был характерен для последней четверти XX в., при этом для молодых использовалась голубая ткань, для пожилых — черная, а для детей — розовая⁴¹. На фото с похорон в Красной Поляне 1924 г., показанном нам информантами, гроб не обит. Если в гробу оставалось много лишнего места, это расценивалось как дурная примета — значит, покойник заберет с собой еще кого-то. Некоторые информанты сообщали, что в это пустое место могли засыпать землю с могилы. Также записан обычай отвозить землю из двора умершего

³⁷ Седякова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. С. 203–204.

³⁸ Традиция была известна и на Кубани, см.: Кузнецова И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. С. 209.

³⁹ Про причитания вспоминают, даже воспроизводят какие-то формульные фразы из текстов плачей на понтийском, но говорят, что это было очень давно. Традиция причитаний начинает частично отмирать и в Греции с конца XX в. Исследованию похоронных плачей на греческом материале посвящена работа: Alexiou M. *The Ritual Lament in Greek Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.

⁴⁰ Про них говорили *ати мирологја* ‘она причитает над покойным’, специального термина не зафиксировано.

⁴¹ Кузнецова И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. С. 211.

в церковь для освящения⁴². Потом эту освященную землю могли бросать на гроб или набивать ею подушечку, которую подкладывали умершему под голову в гробу. Также упоминали о подушке, набитой опилками. В гроб могли класть какие-то вещи: деньги, расческу, сигареты, носовой платок, четки и т. п. Часто спорили о том, забирают ли с собой нательный крестик с покойного или оставляют на нем в гробу.

Люди приходили проститься к умершему в дом со свечами. Гроб ставили на табуретки в центр комнаты, вокруг него стояли стулья (на них сидели те, кто оставался с покойным на ночь). Рядом был столик, на который ставили тарелочку для денег⁴³ (иногда деньги клали прямо в гроб), туда же клали свечи. Одна информантка вспоминала, что свечи приносили в салфетке, которую потом сминали и бросали под гроб⁴⁴. Вероятно, помещение салфетки под гроб связывается с общей тенденцией локализовать пространство смерти в доме в определенном месте⁴⁵. Также прослеживается связь с тем, что при необходимости уборки в доме при нахождении в нем покойного, мусор заматался под гроб⁴⁶. Все время, пока покойник находится дома, около него должна была гореть свечка и *канділка* ‘лампада’. С телом постоянно должен был кто-то находиться. В понтийском для обозначения этого действия употреблялся глагол *монáзо* ‘устраивать бдение над покойным’⁴⁷. Мы уже упоминали, над умершим читали псалмы — в отсутствие священника и церкви этот ритуал был особенно важен для обеспечения правильного перехода в иной мир. В Красной Поляне зафиксировано представление о том, что в селе умирают по трое: «Полянцы уходят по трое всегда. Если первый покойник после продолжительного времени, значит, обязательно будут второй и третий»⁴⁸.

Гроб несли мужчины на плечах от дома до кладбища, по дороге останавливались на перекрестках и три раза его приподнимали и опускали. Также могли останавливаться по дороге или перед воротами кладбища, чтобы под поднятым гробом три раза прошли родственники. Такой ритуал был

⁴² Одна информантка (Ж., род. в 1960 г., Красная Поляна. Записано в Красной Поляне) вспомнила, что делала так в 1985 г., землю и соль отвозили в церковь в Сочи (она была действующей при СССР). Соль потом использовали для приготовления поминальных блюд.

⁴³ В Отраденском районе Кубани тарелку ставили в ноги усопшего. Там же. С. 210.

⁴⁴ Ж., род. в 1964 г., Красная Поляна. Записано в Красной Поляне.

⁴⁵ Что характерно для обрядности восточных славян, см.: Андрушина М.А. Символика пространства в славянской похоронно-поминальной обрядности: этнолингвистический аспект: украинская, белорусская, западнорусская и польская традиции: дис. <...> канд. филол. наук. М., 2015. С. 49.

⁴⁶ Там же. С. 58, 199.

⁴⁷ Бдение над покойным — характерный элемент как восточнославянского, так и греческого похоронного обряда. В греческом используется термин *αγρυπνία* [аγῤῥῖνῖα] ‘бдение’.

⁴⁸ Ж., род. в 1964 г., Красная Поляна. Записано в Красной Поляне.

призван излечивать от болезней (покойный *забирает все с собой*) или же предупреждать заболевание от сильного переживания, спровоцированного смертью близкого родственника, то есть от *испуга*. Также говорили, что это делали, чтобы покойный не приснился и чтобы не бояться мертвого. Многие обрядовые действия у восточных славян, направленные на контакт с «покойничьими предметами», совершаются с такими же мотивировками. Например, родственники садятся на скамью или кровать, где лежал умерший, чтобы тот не приснился, или лечат *испуг*, обегая эту скамью или проползая под ней трижды⁴⁹.

Процессия выглядела следующим образом: впереди несли крест (на него привязывали полотенце), за ним крышку гроба, затем сам гроб⁵⁰. Иногда отдельно после креста несли фотографию. Говорили, что никто не должен идти впереди креста. По пути шествия перед гробом разбрасывали цветы. Значительно реже упоминались еловые ветки, разбрасывание которых более характерно для восточнославянской погребальной обрядности⁵¹. Дорога из еловых веток обладает двойственной символикой: с одной стороны, она указывает мертвому путь до дома, а с другой, наоборот, запрещает ему возвращаться (еловые ветки колючие, и он не сможет по ним пройти)⁵². В случае, когда еловые ветки замещаются цветами, вторая мотивировка теряется. Действительно, наши информанты упоминали только о том, что таким образом душа может найти дорогу домой. Говорили, что на эти цветы нельзя наступать. Этот элемент обряда представляет собой явное восточнославянское заимствование, так как в Греции такая традиция отсутствует. Интересно отметить, что в Красной Поляне вспоминали, что иногда на похороны приглашался духовой оркестр. Вероятно, эта практика относится к позднему периоду СССР.

Могила в понтийском обозначалась лексемой *тафин*, а кладбище — *тафия* ‘могилы’. Дно могильной ямы могли устилать еловыми ветками, чтобы покойному было мягко. Говорили о том, что могилу не должны были выкапывать родственники. Тем, кто выкапывал могилу, дарили полотенце, угощали их обедом. Гроб в могилу опускали на веревках или полотенцах. Полотенца оставляли в могиле, веревки обычно забирали. Перед тем как могилу закопать, на гроб бросали три горсти земли все присутствующие.

Пока процессия шла на кладбище, в доме оставался кто-то из соседей и помогал вымыть дом после покойника. Это нужно было делать сразу же, как выносили гроб, и воду вылить в то же место, что и ту, которой мыли

⁴⁹ Плотникова А.А. Покойничьи предметы. С. 125.

⁵⁰ Гроб всегда несли на руках мужчины, подарочные полотенца им повязывали на плечо. Однако в Лесном вспоминали, что после войны, когда в селе не было мужчин, гроб могли везти и на телеге.

⁵¹ Агапкина Т.А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. С. 97–99.

⁵² Там же. С. 96–98.

покойного. После похорон проводили поминальный обед дома у родственников. Главным ритуальным блюдом у понтийцев является *кукiя*, *кокiя* ‘кутья’⁵³. Говорили, что в день похорон делали две кутьи — одну раздавали на кладбище, а другую ставили на поминальный стол дома. Готовят ее из сваренной пшеницы, в которую добавляют орехи, изюм, иногда печенье. На приготовление кутьи приглашали соседок: вспоминали, что бабушки могли даже обидеться, если их не позвали. Готовилась она всю ночь: пшеницу сначала перебирали, затем она долго разваривалась, и наконец ее надо было просушить. Готовую пшеницу выкладывают на тарелку, посыпают сахаром и украшают сверху изображением из драже, изюма или колотых орехов⁵⁴. У понтийского поминального блюда должно быть особое символическое украшение в зависимости от дня поминок. У *кукiи*, которую готовят на день похорон, крест делают с расходящимся книзу основанием (крест-гольгофа), при поминках на девятый день закрывается одна створка, а на сороковой — уже обе. Это призвано символизировать переход души в иной мир. Изображение креста как бы разделяет блюдо на четыре части, в каждой из которых пишут по букве: И, Х, Н⁵⁵ и первая буква имени умершего. Уже украшенную кутью, выложенную на тарелку, называют *тинур*.

Помимо *кукiи* на поминальный стол готовили традиционные понтийские блюда *ширван* и *сирон*. *Ширван* — первое блюдо, которое изготавливается на основе мацони с добавлением крупно помолотой кукурузной крупы (или перловки) и травы *тiмберон* ‘чабер’. *Сирон* готовится следующим образом: раскатывают тонкие лавашы, сворачивают их в трубочку и нарезают. Сначала их запаривают кипятком, а потом заливают подливой из сметаны, чеснока и лука. Говорили, что поминальная трапеза в доме в день похорон должна быть скромной, но зачастую стол накрывали слишком богато, как на свадьбу. Упоминали наши информанты о том, что на поминки принято было есть только ложкой, вилки и ножи не использовались. На поминках должна была быть только *хулярi файн* (дословно «еда, которую едят ложкой») или суп, первое блюдо. В греческой традиции такого запрета не существует. Если поминки выпадали на дни поста, то пища была постная. На поминки мясо не готовили, но запрета на его употребление в течение какого-то периода после похорон зафиксировано не было. В некоторых регионах Греции такой запрет мог существовать: например, на Крите мясо не ели 40 дней после похорон⁵⁶.

⁵³ На русском языке для наименования кутьи информанты преимущественно использовали фонетический вариант *кутя*.

⁵⁴ Интересно отметить, что в последние годы украшения для кутьи привозят из Греции (серебряные драже), где существует своя традиция декорирования ритуального блюда.

⁵⁵ От фразы «Иисус Христос Ника́» (греч. *Ἰησοῦς Χριστός Νικά* ‘Иисус Христос побеждает’). Буквы могут использоваться как кириллические (И, Х, Н), так и греческие (Ι, Χ, Ν).

⁵⁶ Полевые материалы авторов статьи 2020 г. из сел Палеохора, Канданос (Крит).

Помимо поминок⁵⁷ в день похорон (на третий день), их справляли на девятый (*са энэа* ‘на девять дней’), на сороковой (*са серáнда* (*сирáнда*) ‘на сорок дней’) и на год (*со хронéо(н)* ‘на год’) после смерти. Также некоторые информанты из Красной Поляны упоминали то, что на следующее утро после похорон родственники ходили завтракать на могилу. У православных придается особое значение первым сорока дням после смерти. Наши информанты говорили, что душа (*психи́, псиши́, пши*) остается в доме три дня до похорон: «Пока душа не уйдет, нельзя тело выносить»⁵⁸. На земле она остается сорок дней после смерти, поэтому весь этот срок в доме каждый день зажигали по свече и читали молитву. Душе также оставляли стакан с водой и кусок хлеба, обычно рядом с кроватью умершего. Первые сорок дней держали строгий траур (*лiтин*) по покойному. Про человека в трауре говорили *лiтин кратi* (‘он / она держит траур’). Траур выражался в том, что родственники одевались в черное, мужчины не брили бороду. Еще пока тело находится в доме, занавешивали зеркала, телевизор. Не разрешалось веселье и музыка. Если умирал близкий родственник, черное носили год и более. Важным отличием понтийской обрядности от современной новогреческой является отсутствие в ней традиции вторичного погребения.

На могилу сразу после похорон устанавливают деревянный крест (его изготавливают вместе с гробом). По прошествии года его принято заменять на памятник, при этом старый крест не уничтожают, а оставляют рядом, у могилы. Наша экспедиция также исследовала понтийские кладбища в Красной Поляне, Лазаревском и Лесном. Все они сейчас смешанные, погребения понтийцев обычно размещены компактно в одной из частей кладбища. В Красной Поляне существовало старое греческое кладбище, но оно не сохранилось. В настоящее время подавляющее большинство памятников на этих кладбищах относится к советскому и постсоветскому периодам⁵⁹. В советское время устанавливали цементные памятники, но не всегда — деревянный крест могли заменить металлическим. На могилах делали оградки, в основном железные. Чаще всего за одной оградкой оказывается несколько захоронений одной семьи. Интересно отметить, что зачастую на понтийских захоронениях одной семьи крест или памятник установлен в разных сторонах. Информанты объясняют это тем, что вопрос об установке креста в голову или в ноги часто вызывал споры. Помимо нескольких старых надгробий XX в., на исследованных кладбищах крайне мало эпитафий на греческом языке. В советское время надписи на памят-

⁵⁷ Поминки назывались понтийской лексемой *псальма́*, отличной от греческой *та мнiмóсина* [ta mnimósina]. На русском языке информантами употребляются варианты *пóминки* и *помiнки*.

⁵⁸ М., род. в 1953 г., Казахстан. Записано в Лазаревском.

⁵⁹ Однако на кладбищах села Лесное и заброшенного села Юревичи сохранилось несколько старых, еще дореволюционных каменных надгробий из песчаника, характерных для понтийской традиции. Эпитафии на них сделаны на греческом языке.

никах выполнялись только на русском; несколько эпитафий на греческом появилось уже после распада СССР, когда многие местные жители уезжали в Грецию и оформляли своим родственникам надгробия по греческим образцам. При этом сами памятники изготавливались уже в окрестностях Сочи, о чем свидетельствуют немногочисленные орфографические недочеты, например проставление ударений над текстом эпитафии, напечатанном заглавными буквами⁶⁰.

Проанализировав полевой материал, мы можем сделать выводы о том, что с одной стороны, похоронно-поминальная обрядность понтийских греков в исследованном регионе имеет ряд специфических черт, характерных для греческой традиции в целом. Связь понтийского обряда с греческим выражается и через лексику. С другой стороны, тесное соседство с восточнославянскими народами оставило свой след в обрядности. Как следствие у понтийцев фиксируются такие обрядовые действия и представления, которые характерны для восточных славян, но не встречаются у греков. Понтийская культура в регионе дает обширный материал для изучения и сопоставления, перспективным нам представляется дальнейшее изучение славянского влияния на обрядность жизненного цикла у понтийцев.

Литература

- Агапкина Т.А.* Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019.
- Анастасиади Г.И.* Сильные верой. О храме во имя великомученика Георгия Победоносца в селе Лесном. Ростов-на-Дону: Печатный двор, 2018.
- Андрюшина М.А.* Символика пространства в славянской похоронно-поминальной обрядности: этнолингвистический аспект: украинская, белорусская, западнорусская и польская традиции: дис. <...> канд. филол. наук. М., 2015.
- Бакаева А.В.* Этнолингвистический анализ греческого похоронного обряда на балканском фоне: магистерская работа. М., 2018.
- Бондарь Н.И.* Материалы к похоронно-поминальной обрядности греков Северного Кавказа // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2007 год. Дикаревские чтения (14) / сост., науч. ред. М.В. Семенцов. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2009. С. 161–169.
- Виноградова Л.Н.* Похороны-свадьба // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 225–228.
- Джуха И.Г.* Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. М.: Алетей, 2006.
- Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани) // Исследования по славянской диалектологии /

⁶⁰ По правилам орфографии греческого языка, при написании всего текста заглавными буквами ударения на письме не проставляются (в отличие от случаев, когда текст пишется в обычном регистре).

- отв. ред. Г.П. Клепикова, А.А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Вып. 7. С. 152–181.
- Климова К.А., Никитина И.О.* Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 249–260. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06.
- Кузнецова И.А.* Читалки в современной сельской общине: статус, функции, вариативность практик // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2003 год. Дикаревские чтения (10): материалы краевой науч. конф., Краснодар, 19–20 июня 2004 г. / сост., науч. ред. М.В. Семенов. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2004. С. 137–146.
- Кузнецова И.А.* Оценочные суждения в нарративах об умирании // Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность / сост. и науч. ред. Н.И. Бондарь, В.В. Воронин. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2005. С. 146–154.
- Кузнецова И.А.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды // История, этнография, фольклор Кубани. Том V. Отрадненский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Ростов-на-Дону: ООО «Печатная лавка», 2020. С. 207–214.
- Никитина И.О.* Похоронно-поминальный обряд в современной Греции: этнолингвистический анализ: магистерская работа. М., 2022.
- Никитина И.О.* Трансформация похоронного обряда в городских реалиях современной Греции // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН / отв. ред. С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. Т. 1. С. 221–232.
- Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009.
- Плотникова А.А.* Покойницкие предметы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 124–127.
- Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.
- Соколова А.Д.* Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI вв. (на материалах Владимирской области): дис. <...> канд. ист. наук. М., 2013.
- Халайчев С.С.* Красная Поляна. Время, События, Люди. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2022.
- Alexiou M.* The Ritual Lament in Greek Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
- Bonarek J.* Ромеи — только жители империи или народность in statu nascendi? // Orientalia Christiana Cracoviensia. 2012. № 4. S. 59–75. <https://doi.org/10.15633/ochc.1035>
- Danforth L.M.* The death rituals of rural Greece. Princeton: Princeton University Press, 1982.
- Χασιώτης Ι.Κ.* (επιμέλεια). Οι Έλληνες της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 1997.
- Κοριακίδης Σ.Π.* Ελληνική Λαογραφία. Μέρος Α'. Μνημεία του λόγου. Αθήνα: Δημοσιεύματα του Λαογραφικού αρχείου αρ. 3, 1922.

References

- Agapkina, T.A., 2019. *Derev'ia v slavianskoi narodnoi traditsii: Ocherki* [Trees in the Slavic Folk Tradition: Essays]. Moscow: Indrik.
- Alexiou, M., 1974. *The Ritual Lament in Greek Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Anastasiadi, G.I., 2018. *Sil'nye veroi. O khrame vo imia velikomuchenika Georgiia Pobedonositsa v sele Lesnom* [Strong in faith. About the Church of St. George the Victorious in Lesnoye Village]. Rostov-on-Don: Pechatny Dom.
- Andriunina, M.A., 2015. *Simvolika prostranstva v slavianskoi pokhoronno-pominal'noi obriadnosti: etnolingvisticheskii aspekt: ukrainskaia, belorusskaia, zapadnorusskaia i pol'skaia traditsii* [Symbolism of Space in Slavic Funeral and Memorial Rituals: an Ethnolinguistic Aspect (Ukrainian, Belarusian, Western Russian and Polish Traditions)]. Dis. <...> kand. filol. nauk. Institute of Slavic Studies.
- Bakaeva, A.V., 2018. *Etnolingvisticheskii analiz grecheskogo pokhoronnogo obiada na balkanskom fone* [Ethnolinguistic Analysis of the Greek Funeral Rite on the Balkan Background]: magisterskaia rabota. Lomonosov Moscow State University.
- Bonarek, J., 2012. Romei — tol'ko zhiteli imperii ili narodnost' in statu nascendi? [Romaioi — Only Inhabitants of the Empire or Nationality In Statu Nascendi?]. *Orientalia Christiana Cracoviensia*, 4, pp. 59–75. <https://doi.org/10.15633/ochc.1035>
- Bondar', N.I., 2009. Materialy k pokhoronno-pominal'noi obriadnosti grekov Severnogo Kavkaza [Materials on the Funeral and Memorial Rites of the Greeks of the North Caucasus]. In: M.V. Sementsov, ed., 2009. *Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniĭ etnicheskikh kul'tur Kubani za 2007 god. Dikarevskie chteniia (14)* [Results of the Folklore and Ethnographic Studies on the Ethnic Cultures of Kuban Region in 2007. Dikarev Readings (14)]. Krasnodar: OOO «Ekoinvest», pp. 161–169.
- Chasiotis, I.K., 1997. *Oi Ellines tis Rosias kai tis Sovietikis Enosis* [Greeks of Russia and Soviet Union]. Thessaloniki: University Studio Press, 1997.
- Danforth, L.M., 1982. *The death rituals of rural Greece*. Princeton: Princeton University Press.
- Dzhukha, I.G., 2006. *Grecheskaia operatsiia: Istoriia repressii protiv grekov v SSSR* [Greek Operation: History of Repressions Against the Greeks in the USSR]. Moscow: Aleteia.
- Khalaihev, S.S., 2022. *Krasnaia Poliana. Vremia, Sobytiia, Liudi* [Krasnaya Polyana. Time, Events, People]. Rostov-on-Don: Donskoi izdatel'skii dom.
- Klimova, K.A., Nikitina, I. O., 2022. Traditsionnaia kul'tura i iazyk “russskikh grekov” g. Sochi: obzor etnolingvisticheskoi ekspeditsii [Traditional Culture and Language of the “Russian Greeks” in Sochi: Review of an Ethnolinguistic Expedition]. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 249–260.
- Kuznetsova, I.A., 2004. Chitalki v sovremennoi sel'skoi obshchine: status, funktsii, variativnost' praktik [Chitalki in the Modern Rural Community: Status, Functions, Variability of Practices]. In: M.V. Sementsov, ed., 2004. *Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniĭ etnicheskikh kul'tur Kubani za 2003 god. Dikarevskie chteniia*

- nii* (10): *materialy kraevoi nauch. konf., Krasnodar, 19–20 iunია 2004 g.* [Results of the Folklore and Ethnographic Studies on the Ethnic Cultures of Kuban Region in 2003. Dikarev Readings (10): Materials of the Regional Scientific Conference, Krasnodar, 19–20 June 2004] Krasnodar: OOO RITs “Mir Kubani”, pp. 137–146.
- Kuznetsova, I.A., 2005. Otsenochnye suzhdeniia v narrativakh ob umiranii [Value judgments in narratives about dying]. In: N. I. Bondar’, V. V. Voronin, eds, 2005. *Itogi polevykh fol’klorno-etnograficheskikh issledovanii na Kubani: proshloe i sovremennost’* [Results of the Field Folklore and Ethnographic Studies in Kuban Region: the Past and the Present]. Krasnodar: Izd-vo “Kuban’kino”, pp. 146–154.
- Kuznetsova, I.A., 2020. Pokhoronno-pominal’nye obychai i obriady [Funeral and Memorial Rites]. In: N.I. Bondar’, A.I. Zudin, eds, 2020. *Istoriia, etnografiia, fol’klor Kubani* [History, Ethnography, Folklore of Kuban Region]. Rostov-on-Don: OOO “Pechatnaia lavka”. Vol. V: *Otradnenskii raion (materialy Kubanskoii fol’klorno-etnograficheskoi ekspeditsii)* [Otradnenskii District (Materials of the Kuban Folklore and Ethnographic Expedition)], pp. 207–214.
- Kyriakidis, S.P., 1922. *Elliniki Laografia* [Greek Folklore]. Athens: Dimosievmata tou Laografikou archeiou ar. 3. Vol. 1: *Mnimeia tou logou* [Verbal Monuments].
- Nikitina, I.O., 2021. Transformatsiia pokhoronnogo obriada v gorodskikh realiiakh sovremennoi Gretsii [Transformation of the funeral rite in the urban realities of modern Greece]. In: S.A. Oreshin, P.A. Serin, eds, 2021. *Al’manakh Konferentsii molodykh uchenykh Instituta etnologii i antropologii RAN* [Almanac of the Conference of Young Scientists of the Institute of Ethnology and Anthropology of RAS]. Moscow: IEA RAN. Vol. 1, pp. 221–232.
- Nikitina, I.O., 2022. *Pokhoronno-pominal’nyi obriad v sovremennoi Gretsii: etnolingvisticheskii analiz* [Funeral and Memorial Rites in Modern Greece: An Ethnolinguistic Analysis]. Magisterskaia rabota. Lomonosov Moscow State University.
- Plotnikova, A.A., 2009. Materialy dlia etnolingvisticheskogo izucheniia balkanoslavianskogo areala [Materials for Ethnolinguistic Investigation of the Balkan-Slavic Area]. Moscow: Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences.
- Plotnikova, A.A., 2009. Pokoinitskie predmety [Mortuary items]. In: N.I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar’ v 5 tomakh* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary in 5 Volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 124–127.
- Sedakova, O.A., 2004. *Poetika obriada. Pogrebal’naia obriadnost’ vostochnykh i iuzhnykh slavian* [The Poetics of Rituals. Funeral Rituals of the Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik.
- Sokolova, A.D., 2013. Transformatsii pokhoronnoi obriadnosti u russkikh v XIX–XXI vv. (na materialakh Vladimirskaio oblasti) [Transformations of Funeral Rites Among Russians in the 19th–20th Centuries (on the Materials from the Vladimir Region)]. Dis. <...> kand. ist. nauk. Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences.
- Vinogradova, L.N., 2009. Pokhorony-svad’ba [Ritual of wedding-funeral]. In: N.I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar’ v 5 tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 225–228.

Zaikovskaia, T., Zaikovskii, V., 2001. Etnolingvistiicheskie materialy iz Severnoi Gretsii (s. Eratira, okrug Kozani) [Ethnolinguistic materials from Northern Greece (village of Eratira, Kozani district)]. In: G.P. Klepikova, A.A. Plotnikova, eds, 2001. *Issledovaniia po slavianskoj dialektologii* [The Studies of Slavic Dialectology]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. Issue 7, pp. 152–181.